

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ПУШКИНСКОЙ ПРОЗЫ

(1815—1822)

Вопрос о начале пушкинской прозы, один из наиболее актуальных в ее изучении¹, почти не привлекал внимания исследователей. Общепризнанным считается, что историю художественной прозы Пушкина следует начинать лишь с 1827 года, когда он приступил к работе над «Арапом Петра Великого»². Правда, в работах ряда исследователей материалы, относящиеся к «предыстории» пушкинской прозы, подвергались анализу, но лишь эпизодически, и в своей совокупности еще ни разу не рассматривались. Прежде всего нужно назвать книгу А. З. Лежнева, где вопрос об истоках пушкинской прозы поставлен наиболее конкретно и широко, хотя не все в его решении представляется бесспорным³. Важные наблюдения, касающиеся не дошедших до нас прозаических произведений Пушкина, сделаны Б. В. Томашевским, подробно проанализировавшим сведения о лицейских «романах» и так называемых «молдавских повестях» начала 20-х годов⁴. Последние рассмотрены также в работах Г. Ф. Богача и Е. М. Двойченко-

¹ См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения Коллективная монография под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 477—478 (глава «Художественная проза» написана Н. В. Измайловым).

² См., напр.: Н. Л. Степанов. Проза Пушкина. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 26.

³ См.: А. Лежнев. Проза Пушкина. Опыт стилистического исследования. Гослитиздат, М., 1937, стр. 11—26.

⁴ См.: Б. Томашевский. Пушкин Кн первая (1813—1824) Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 32—38, 464—469.

Марковой⁵, конкретизировавших вероятный сюжет этих повестей, что позволило более основательно судить об их характере. Неоднократно подвергался оценке и отрывок 1819 года «Надинька», наиболее интересно и полно проанализированный А. В. Чичериным⁶. Наконец, ценные соображения, связанные с определением роли эпистолярной и мемуарной прозы Пушкина, а также планов стихотворных и прозаических произведений в формировании стиля пушкинской прозы, в том числе и на раннем этапе ее развития, мы находим в ряде работ Г. О. Винокура, Л. П. Гроссмана, Е. А. Маймина, Б. Л. и Л. Б. Модзалевских, Н. Л. Степанова, Ю. Н. Тынянова, И. Л. Фейнберга, Д. П. Якубовича и других исследователей⁷.

Таким образом, накоплен уже значительный материал, позволяющий поставить вопрос о начале пушкинской прозы на твердую почву. Однако до сих пор этот материал, изучавшийся обычно при исследовании других вопросов, практически не привлекался еще к построению *истории* развития прозы Пушкина и вообще не подвергался систематическому изучению в

⁵ См.: Г. Богач. Пушкин и молдавский фольклор. Изд. «Картя молдовеняскэ», Кишинев, 1963, стр. 131—174; Е. М. Двойченко-Маркова. Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 54—58.

⁶ См.: А. В. Чичерин. Возникновение романа-эпопеи. «Советский писатель», М., 1958, стр. 69—73.

⁷ См.: Г. Винокур. Пушкин-прозаик. — В его кн.: Культура языка. Очерки лингвистической технологии. Изд. «Рабочник просвещения», М., 1925, стр. 179—188; Л. Гроссман. Культура писем в эпоху Пушкина. — В его кн.: Цех пера. Статьи о литературе. Изд. «Федерация», М., 1930, стр. 236—245; Е. А. Маймин. Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики. — В кн.: Пушкинский сборник. Псков, 1962, стр. 77—87; Б. Модзалевский. Предисловие. — В кн.: Пушкин. Письма, т. 1. 1815—1825. ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. III—XLVIII; Л. Б. Модзалевский. Эпистолярное наследие Пушкина. — «Вестник Академии наук», 1937, № 2—3, стр. 230—235; Н. Степанов. Дружеское письмо начала XIX века. Письма Пушкина как литературный жанр. — В его кн.: Поэты и прозаики. Изд. «Художественная литература», М., 1966, стр. 66—100; Ю. Тынянов. Пушкин. — В его кн.: Архаисты и новаторы. «Прибой», (Л), 1929, стр. 282—285; Ю. Тынянов. Проза Пушкина. Речь на пленуме Союза советских писателей. — «Литературный современник», 1937, № 4, стр. 187—199; И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 2-е Гослитиздат, М., 1958, стр. 243—253, Д. П. Якубович. Работа Пушкина над художественной прозой. — В кн.: Работа классиков над прозой. Пушкин, Толстой, Чехов, Горький, Э. Зола. Сб. статей. Изд. «Красная газета», Л., 1926, стр. 7—29; Д. Якубович. Пушкин в работе над прозой. — «Литературная учеба», 1930, № 4, стр. 46—64

историко-литературном аспекте. Более того, можно говорить даже о недооценке его в работах, посвященных прозе Пушкина, а также его творчеству в целом.

Давно установилось мнение, будто пушкинская проза возникла внезапно, без подготовки, и Пушкин-прозаик, в отличие от Пушкина-поэта, с самого начала раз и навсегда определил основные особенности своего стиля, впоследствии уже не менявшегося. Ю. Н. Тынянов писал, что «в художественной прозе Пушкина не было лицейского подготовительного периода»⁸, и это его мнение никем не оспорено⁹. Даже А. З. Лежнев, учитывая прозаические тексты Пушкина, написанные ранее конца 20-х годов, настаивал на том, что «стиль своей прозы Пушкин нашел сразу»¹⁰, подтверждая таким образом тезис об изначальной определенности пушкинского прозаического стиля. По его словам, Пушкин нашел его «очень рано, почти подростком, еще тогда, когда его стиль поэтический, его стих еще никак не сложился, и он пребывал во власти чужой поэтики»¹¹. Думается, однако, что в действительности дело обстояло совсем не так, и материалы, которыми может располагать исследователь, позволяя утверждать обратное. И Пушкин-прозаик, прежде чем окончательно сформироваться, прошел путь ученичества и творческих поисков, не восстановимый, к сожалению, в деталях, но в общих чертах все же вполне поддающийся изучению.

Предлагаемая статья и представляет собой попытку, собрав воедино известные нам материалы, касающиеся начального этапа формирования пушкинской прозы, осмыслить их в связи с общим направлением художественных исканий Пушкина в это время. Границы рассматриваемого периода — 1815—1822 годы — определяются самим исследуемым материалом. К 1815 году относится не только наиболее определенное из ранних прозаических произведений Пушкина, до нас не дошедших, — «Фатам, или Разум человеческий», но и его

⁸ Ю. Тынянов. Проза Пушкина. — «Литературный современник», 1937. № 4, стр. 191.

⁹ Солидаризируется с мнением Ю. Н. Тынянова и исходит из него в своей монографии о прозе Пушкина Н. Л. Степанов. См. в его кн.: Проза Пушкина, стр. 51. Ср.: Л. Сидяков. Проза Пушкина (рецензия на книгу Н. Л. Степанова). — «Вопросы литературы», 1963, № 3. стр. 209—210.

¹⁰ А. Лежнев. Проза Пушкина, стр. 12.

¹¹ Там же, стр. 17.

первые доступные нам прозаические тексты. 1822 год — это год написания не дошедшей до нас полностью и не опубликованной при жизни Пушкина статьи «О прозе» (или «О русской прозе»), в которой он подытоживает свой первоначальный опыт работы над прозой и определяет программу ее будущего развития. Таким образом, период с 1815 по 1822 год и представляет собой начальный этап формирования пушкинской прозы, и его изучение в качестве своего рода ее «предыстории» необходимо и важно для восстановления общей картины ее развития. Конечно, материалов, которые позволили бы сколько-нибудь точно восстановить эту «предысторию» пушкинской прозы, недостаточно, но все же они есть, и это дает возможность, хотя в значительной мере и гипотетически, представить процесс ее формирования с середины 10-х до начала 20-х годов XIX века.

Пушкин обратился к прозе еще в лицее, причем едва ли не раньше, чем к стихам, как о том упоминает В. П. Гаевский в статье о лицейском творчестве Пушкина: «Пушкин писал по-русски преимущественно прозой до 1814 года: а уже с этого времени почти исключительно отдался поэзии...»¹².

Если даже это и не совсем так, самый факт существования ранней прозы Пушкина, сопутствовавшей его лицейской поэзии, колеблет привычное представление о позднем появлении пушкинской прозы. Другое дело, что в общей перспективе творческого развития Пушкина проза связана преимущественно с его поздним этапом¹³, и ее утверждение определяется зрелостью пушкинского реализма. Однако несомненно и другое: так называемый переход Пушкина к прозе на рубеже 30-х годов XIX века был подготовлен его предшествующим, начиная еще с лицейских лет, опытом. Не будь его, Пушкин, вероятно, не смог бы сразу начать с чрезвычайно зрелых и совершенных произведений, какими оказались и «Арап Петра

¹² В. П. Гаевский. Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения «Современник», 1863, № 7, стр. 155.

¹³ Только в этом отношении справедливы утверждения Д. П. Якубовича, что проза «хронологически была последним жанром Пушкина», или мысль Г. А. Гуковского: «пушкинская прозаическая манера хронологически локализована в 30-х годах». См.: Д. П. Якубович. Обзор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 год. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 295—318; Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Гослитиздат, М., 1957, стр. 332.

Велького» и другие незавершенные произведения конца 20-х годов, не говоря уже о «Повестях Белкина» и всей прозе 30-х годов. Таким образом, находит свое рациональное объяснение смущавшая исследователей уверенность, с какой Пушкин, казалось бы без предварительной подготовки, утверждает себя как прозаик в произведениях, предваряющих широкое развитие прозы в его творчестве.

Конечно, не случайно и то, что ранняя проза Пушкина почти не дошла до нас и мы вынуждены довольствоваться самыми скудными сведениями о ней. На ранних этапах своего творчества Пушкин, очевидно, не ощущал еще эстетического равноправия стихотворной и прозаической форм, и именно этим прежде всего можно объяснить отсутствие у него заботы о сохранении своих первых прозаических опытов (хотя утрата их зависела, несомненно, и от многих других причин). Однако он вновь и вновь обращался к работе над прозой, в которой вскоре же увидел важную для современной литературы задачу, от решения которой не считал себя вправе уйти.

Таким образом, и для пушкинской прозы существовал «лицейский подготовительный период» (в том числе и буквально), и, хотя он и не прослеживается так определенно и отчетливо, как период формирования поэзии Пушкина¹⁴, следы его сохранились и должны быть обязательно учтены исследователями.

Первыми прозаическими произведениями Пушкина, о существовании которых достоверно известно, были его «романы» «Цыган» и «Фатам, или Разум человеческий». Если о первом из них можно судить лишь очень приблизительно, то второй, о котором сам Пушкин упоминает в своем лицейском дневнике, благодаря его товарищам, сохранившим в памяти основную схему сюжета «Фатама», известен не только по названию. П. В. Анненков и В. П. Гаевский, основываясь на воспоминаниях лицейстов пушкинского выпуска, в своих работах, дополняя друг друга, воспроизводят сюжет «романа»¹⁵, и на этом

¹⁴ Впрочем, и исследователи пушкинской поэзии сетуют на неполноту дошедших материалов, не дающих возможности вполне представить характер даже лицейской поэзии Пушкина. См. Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 91—92.

¹⁵ См.: П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. Изд. 2-е. СПб., 1873, стр. 22, В. П. Гаевский. Пушкин в лицее.. — «Современник», 1863, № 7, стр. 158. О «Фатаме» см. также: Г. С. Глебов. Утраченная сказка Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 4—5. Изд. АН СССР, М.—Л., 1933, стр. 485—487.

основании исследователи, прежде всего Б В Томашевский, восстановили возможный характер этого произведения. Нет необходимости воспроизводить здесь сведения П В Анненкова и В П Гаевского, а также соображения Б В Томашевского; отмечу только, что, по вероятным предположениям исследователей, «Фатам» представлял собой небольшую по объему (большое произведение в прозе в то время было еще, по-видимому, не по плечу юному Пушкину) философскую повесть (упоминаемая в лицейском дневнике третья глава ее носила название «Право естественное»¹⁶) Написана повесть была, конечно, в подражание Вольтеру, писателю, творчество которого, как известно, оказало значительное воздействие на Пушкина. Эта ориентация на Вольтера в создании первых прозаических произведений (по предположению Б В Томашевского, и «Цыган» мог представлять собой вариацию на тему «Простодушного»¹⁷) очень существенна Позднее, в статье «О прозе» (1822) Пушкин именно Вольтера назовет в качестве образца импонировавшей ему прозаической манеры, и самое утверждение «точности и краткости» как «первых достоинств прозы» (XI, 18), по мысли Б В Томашевского, явилось «результатом изучения прозы Вольтера»¹⁸

Конечно, не зная текста «Фатама», от которого до нас дошла только небольшая стихотворная вставка (см XVII, 15), невозможно судить о характере стиля этого прозаического произведения, однако о том, что стиль лицейской прозы Пушкина отличался от стиля его зрелой прозы, убедительно свидетельствуют сохранившиеся прозаические тексты этого же времени

Речь идет об отрывке из лицейского дневника Пушкина 1815 года, имеющем очень существенное значение не только как образец его ранней автобиографической прозы, несомненно, оказавшей воздействие на формирование и его художественной прозы Среди других записей здесь содержится также запись, которую с большим основанием можно считать первым собственно художественным текстом Пушкина в прозе это

¹⁶ См запись 10 декабря «Вчера написал я третью главу *Фатама* и из разума человеческого *Право естественное*» (XII, 298)

¹⁷ См Б Томашевский Пушкин Кн первая, стр 33

¹⁸ Б В Томашевский Пушкин и французская литература — В его кн Пушкин и Франция «Советский писатель», Л, 1960, стр 126 Ср Н Л Бродский А С Пушкин Биография Гослитиздат, М, 1937, стр 678

датированная 17-м декабря запись об А. Н. Иконникове, в которой П. В. Анненков справедливо видел «первый полный опыт Пушкина в создании лица, характера — первое чисто литературное его произведение»¹⁹ В последующей литературе о Пушкине это замечание П. В. Анненкова не было принято во внимание, и запись об Иконникове интересовала исследователей лишь с биографической стороны

Своеобразная личность А. Н. Иконникова, одного из первых лицейских гувернеров (неумеренное пристрастие к вину вынудило его вскоре же покинуть службу²⁰), ярко воспроизведена Пушкиным. Встреча с Иконниковым, не порывавшим связей с лицеем и лицеистами, натолкнула его на мысль обрисовать его в своем дневнике, и этот портрет бывшего лицейского воспитателя оказался для Пушкина своеобразной «пробой пера» в художественной прозе. Хотя портрет этот основан на личных конкретных наблюдениях, Пушкин, очевидно, стремился воссоздать в нем черты, свойственные определенному типу людей. «Хотите ли видеть странного человека, чудака, — посмотрите на Ик<онникова>» (XII, 301). Иными словами, интерес к личности Иконникова вызван тем, что она дает материал для воссоздания «характера», и в этом отношении легко можно увидеть в опыте Пушкина следование литературной традиции, восходящей к «Характерам» Ж. де Лабрюйера. Жанр «характеров» — лаконичных характеристик — явился в данном случае образцом для Пушкина, и портрет Иконникова в дневниковой записи 1815 года решен именно таким образом. Связи Пушкина с литературой классицизма, в особенности французской, в лицейский период были очень значительными, и ориентация на свойственный ей прозаический жанр оказывается поэтому вполне закономерной. Правда, по словам Б. В. Томашевского, Лабрюйер принадлежит к числу тех французских классиков XVII в., «удельный вес» которых «для

¹⁹ П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии стр. 24.

²⁰ «Иконников с бутылкой» упоминается в «национальной песне» лицейского «В лицейской зале тишина», и таким же он изображен на картине в «Лицейском мудреце». См. К. Я. Грот. Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги 1-го курса, собранные акад. Я. К. Гротом. СПб., 1911, стр. 218, 278. Об Иконникове см. там же, стр. 74. Ср. характеристику Иконникова, данную М. А. Корфом, в кн. Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы. СПб., 1899, стр. 242—243.

Пушкина значительно меньше», чем таких писателей, как Буало, Расин, Корнель и Лафонтен²¹; все же творчество автора «Характеров» было ему хорошо известно²², тем более в лицейские годы.

Итак, Иконников для Пушкина — воплощение «странного человека, чудака», и портрет его, воспроизводимый далее, подтверждает эту характеристику: «Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит задумавшись — кулаком нюхает табак из коробочки — он дико смотрит на вас — вы его близкой знакомый, вы ему родственник или друг — он вас не узнает — вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя — он вскрикивает, кидается на шею, целует — жмет руку — хохочет задуманным голосом, кланяется — садится, начинает речь, не доканчивает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает» (XII, 301).

Как видим, уже здесь намечается свойственная и зрелой прозе Пушкина передача психологического состояния героя через его внешние действия, однако решено это еще совсем иначе. В стилистическом отношении приведенный отрывок, как и вся запись об Иконникове, — свидетельство того, что лицейская проза Пушкина существенно отлична от последующей. Структура пушкинской фразы еще очень далека от той лаконичности и простоты, которые характерны для его зрелой прозы. Нагромождение действия, прерывистость фразы, даже некоторая запутанность периода — все это свидетельствует о незрелости ранней пушкинской прозы, вызывавшей, по-видимому, значительные затруднения для ее автора. Таким образом, запись об Иконникове убедительно опровергает установившееся мнение, будто уже с самого начала пушкинская проза приобрела черты, свойственные ее зрелому периоду. Другое дело, что и здесь мы убеждаемся в раннем формировании индивидуальной манеры Пушкина-прозаика, но не в большей степени, чем это применимо и к его лицейской поэзии, также рано обнаруживающей творческую индивидуальность юного поэта. Конкретность жизненных наблюдений

²¹ Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция, стр. 122.

²² «Характеры» Лабрюйера Пушкин цитирует в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» (см. XII, 257). В другом случае («Роман в письмах») он дает вымышленную цитату якобы из «Характеров» Лабрюйера (см. VIII, 53).

Пушкина, столь живо проявившаяся уже у истоков его поэзии (по крайней мере в тех его произведениях, которые дошли до нас), свойственна и его ранней прозе. Именно она, спорившая, как и в поэзии, с условностью унаследованных литературных форм, и в данном случае способствовала нарушению канонов избранного жанра и в конечном счете его разрушению.

Другие тексты, содержащиеся в лицейском дневнике 1815 года, также подтверждают мысль о незрелости ранней пушкинской прозы. В этом отношении характерна, например, запись от 29 ноября, в которой Пушкин говорит о своей влюбленности в Е. П. Бакунину. В записи этой проза перемежается со стихами — своими («И так я счастлив был, и так я наслаждался...») и В. А. Жуковского («Он пел любовь — но был печален глас...»). Само сочетание прозы и стихов, оказывая воздействие на прозаический текст, придает ему повышенную эмоциональность, не свойственную позднейшей прозе Пушкина. Наивное выражение юношеской любви, восторженность чувства требовали этого, и проза здесь как бы подчиняется стиху, вытекает из него: «Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорожку — ее не видно было! — наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, сладкая минута!..» (XII, 297). И вслед за этим — стихи Жуковского.

В состав лицейского дневника 1815 года входит в сущности первая критическая статья Пушкина — «Мои мысли о Шаховском». А. З. Лежнев и в ней видел «уже налицо все особенности манеры Пушкина-критика»²³. На самом же деле и эта еще очень неопытная статья свидетельствует лишь о нащупывании юным критиком своей индивидуальной манеры. Более прав поэтому Ю. Н. Тынянов, находивший, что «Мои мысли о Шаховском» «показывают, что лицейский Пушкин движется по иерархии карамзинской прозы»²⁴.

О связанности «лицейского Пушкина» с условиями современного литературного развития говорит, быть может, и запись от 10 декабря, в которой Пушкин сообщает о своей текущей работе и планах на будущее. Среди них упоминается и

²³ А. Лежнев. Проза Пушкина, стр. 12.

²⁴ Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы, стр. 282.

замысел под заглавием «Картина Царского Села» и приводится программа предполагаемого произведения:

- «1.) Картина Сада—
- 2.) Дворец. — *День в Ц.<арском> С.<еле>*.
- 3.) Утреннее гулянье
- 4.) Полуденное гулянье —
- 5.) Вечернее гулянье —
- 6.) *Жители Сарского Села*.

Вот главные предметы всеневных моих записок. — Но это еще *будущее*» (XII, 298).

Б. В. Томашевский, справедливо отвергая версию, связывающую этот замысел с «Воспоминаниями в Царском селе», высказал предположение, что «Картина Царского села» должна была вылиться в большую описательную поэму в шести песнях²⁵. Он ксылается при этом в особенности на пункты 3—5 плана, по его мнению, характерные для произведений этого жанра²⁶. Возможно, однако, и другое предположение. Слова Пушкина: «Вот главные предметы всеневных моих записок» (курсив мой. — Л. С.), — могут относиться скорее не к описательной поэме, но к прозаическому произведению, о замысле которого в таком случае и идет речь. Если это так, то «Картина Царского Села» могла вылиться в произведение, примыкающее, например, к прозе К. Н. Батюшкова, незадолго перед тем (в конце 1814 г. в «Сыне Отечества») опубликовавшего свою «Прогулку в Академию художеств», содержащую также и описание Петербурга. Произведение это запомнилось Пушкину и много лет спустя, как известно, отразилось в его «Медном всаднике». Что касается самой возможности воздействия прозы Батюшкова на Пушкина, то вопрос этот уже поставлен Н. В. Фридманом, справедливо указывающим на Батюшкова-прозаика как предшественника Пушкина²⁷. Если это остается гипотетичным в отношении «Картины Царского Села», то сама постановка этого вопроса заслуживает внимания. Пушкин-прозаик нередко воспринимался как писатель, не имеющий

²⁵ См.: Б. Томашевский. Пушкин. Кн. первая, стр. 38—39.

²⁶ «Именно для описательных поэм характерно разделение повествования на части дня: утро, полдень, вечер». — Там же, стр. 38.

²⁷ См.: Н. В. Фридман. Основные проблемы изучения творчества К. Н. Батюшкова. — «Известия АН СССР Серия литературы и языка», 1964, вып. 4, стр. 312—315. Ср.: Н. В. Фридман. Проза Батюшкова. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 140—141; 165—166.

корней в русской литературе. По словам Г. О. Винокура, «к прозе Пушкин пришел путями неизвестными, дорогами окольными, учителей, наличных традиций на них он не повстречал»²⁸. Но уже Ю. Н. Тынянов говорил о Карамзине, что «краткостью прозаической речи, хотя несколько искусственной», он отчасти был предшественником Пушкина²⁹. Современные исследователи уверенно называют русских писателей XVIII века (Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина) в качестве возможных образцов для Пушкина при выработке его прозаической манеры³⁰; А. В. Чичерин утверждает, что ранняя зрелость пушкинской прозы, уже в «Надиньке» (1819) почти не отличающейся от последующей, связана с тем, что в ней отразились итоги предшествовавшего развития русской прозы: «Пушкинская проза диалектически принимает в себя и преобразует в себе результаты длительного периода литературного развития»³¹.

Однако по отношению к ранней прозе Пушкина, сохранившейся лишь в очень небольшой своей части, решение этого, впрочем, чрезвычайно значительного и актуального, вопроса³² не представляется возможным, и нет поэтому необходимости подробнее на нем останавливаться. Добавлю только, что связь с русской прозаической традицией очевидна в письмах Пушкина лицейского периода, также сохранившихся очень неполно. В них, и особенно в письме к П. А. Вяземскому 27 марта 1816 г. (см. XIII, 2—3), Пушкин, как это уже отмечалось в литературе³³, примыкает к традиции арзамасского дружеского письма, литературность которого и связь с становлением русской прозы начала XIX века давно уже установлена.

Таковы основные материалы, позволяющие судить о лицейской прозе Пушкина; их очень немного, и уже то, что почти все они относятся к одному лишь 1815 году, говорит о яв-

²⁸ Г. Винокур. Культура языка, стр. 180.

²⁹ Ю. Тынянов. Проза Пушкина. — «Литературный современник», 1937, № 4, стр. 190.

³⁰ См.: А. В. Западов. Русская журналистика 1769—1774 годов. Изд. Московского университета, М., 1959, стр. 61; Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин. Творческий путь. Гослитиздат, М.—Л., 1961, стр. 75, 315.

³¹ А. В. Чичерин. Возникновение романа-эпопеи, стр. 73.

³² См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения, стр. 478—479.

³³ См.: Н. Л. Степанов. Дружеское письмо начала XIX века. — В его кн.: Поэты и прозаики, стр. 74—75.

ной неполноте воссоздаваемой картины. Тем не менее изучение даже этих крайне ограниченных материалов приводит к убеждению, что зрелость последующей прозы Пушкина вполне объяснима. Она была подготовлена ученическим периодом, которого Пушкин-прозаик не миновал так же, как не миновал его Пушкин-поэт. Более того, при всей недостаточности наших представлений о самом раннем этапе пушкинской прозы можно говорить о том, что пути ученичества в ней были принципиально общими с теми, которыми шел Пушкин в своей лицейской поэзии. Разница заключалась лишь в том, что для Пушкина-лицейста поэзия представлялась более важной, более органичной для него сферой деятельности. Обращения же к прозе были эпизодическими и скорее носили экспериментальный характер, нежели вызывались глубокой творческой потребностью или же ощутимыми тенденциями литературного развития. Этим, как уже говорилось, объясняется и то невнимание, с которым относился к своим первым прозаическим опытам Пушкин, видимо, не думавший даже о возможности их опубликования и не заботившийся поэтому и об их сохранении. И все же как бы мало значения ни придавал своей ранней прозе сам Пушкин, материалы, к ней относящиеся, вовсе не представляют в лучшем случае лишь биографический интерес; их не вправе обходить и исследователь пушкинской прозы, стремящийся объяснить ее генезис и пути последующего развития, во многом предопределяемого художественными исканиями уже и лицейских лет.

Дальнейшая работа Пушкина над прозой от 1815 по 1822 год прослеживается, к сожалению, очень слабо; текстов, относящихся к этим годам, совсем немного, и они, очевидно, неполно представляют то, что должно было, по-видимому, существовать. Иначе было бы необъяснимым появление в 1819 году отрывка «Надинька», который, конечно же, не мог быть первым после 1815 года обращением Пушкина к прозе. Однако никаких следов работы над ней ни в лицее, ни сразу после лицея нет, и только в том же 1819 году возникает неясный замысел произведения, традиционно относимого к прозаическим; отрывок относящегося к нему плана начинается словами «...карты; продан...» (см. VIII, 429; речь здесь должна была, вероятно, идти о крепостном, впоследствии становящемся солдатом, а затем выслуживающемся в офицеры). Кроме того, несколько позднее, в первой половине 1820 года, Пуш-

кин работает над статьей «Мои замечания о русском театре», которую, видимо, готовил для «Сына Отечества». Однако и эта статья осталась незаконченной и неопубликованной.

1819—1820 годы в пределах начального этапа формирования пушкинской прозы отмечены, таким образом, новыми опытами Пушкина в этой области. Они отличаются от опытов 1815 года ростом мастерства Пушкина-прозаика. Это и позволило исследователям, видевшим в «Надиньке» самую раннюю из «прозаических попыток» Пушкина³⁴, делать далеко идущие выводы о том, что вообще его ранняя проза не отличима от последующей. Спору нет, «Надинька» во многом напоминает зачины позднейших прозаических произведений Пушкина, однако этот небольшой отрывок дает основания и для иных заключений. Напомню, что А. В. Чичерин, более всего сделавший в анализе «Надиньки», акцентирует внимание не только на бесспорной близости этого отрывка к зрелой прозе Пушкина, чем обыкновенно и ограничиваются, но и указывает на то, что их различает. В эпитете, относящемся к одному из введенных персонажей, — «ветренный Вельверов» — он справедливо обнаруживает «слово, не типичное для позднейшей зрелой прозы Пушкина и напоминающее нам примитивность характеристик в русском романе XVIII века»³⁵. Это очень существенное наблюдение, свидетельствующее о зависимости прозы Пушкина еще и в 1819 году от предшествующей литературной традиции.

Следует отметить явную близость прозаического отрывка «Надинька» лирике Пушкина петербургского периода, в которой темы молодого разгула и веселья, противопоставленных властвовавшему в «большом свете» чопорности и «мистики придворному кривлянию» («Послание к кн. Горчакову», 1819. II, 115), занимают, как известно, значительное место. Сама предполагаемая героиня задуманной повести — Надинька — также упоминается в стихах Пушкина, связанных с этой темой³⁶. Однако стихи и в это время оставались основной сфе-

³⁴ См.: Н. О. Лернер. Проза Пушкина. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Книгоизд. т-ва «Книга», Пг—М, 1923, стр. 29.

³⁵ А. В. Чичерин. Возникновение романа-эпопеи, стр. 71.

³⁶ См. «К Шербинину», 1819 г.
Житье тому, любезный друг,
< >
Кто Надичьку, под вечерок,
За тайным ужином ласкает. . (11, 87)

рой проявления таланта Пушкина, проза же по-прежнему находилась еще на далекой периферии его творчества, не играя в нем сколько-нибудь существенной роли и продолжая, как и в лицейские годы, носить экспериментальный характер. Правда, по-видимому, уже в это время у Пушкина начинает складываться представление о том, что состояние русской прозы неудовлетворительно и ее разработка представляет поэтому одну из насущных потребностей литературы. И все же основное направление его художественных исканий, как и в лицейский период, требовало преимущественного обращения к стихотворной форме, вполне способной выразить все то, что тогда занимало воображение поэта. Но, понимая принципиальную важность работы над прозой, Пушкин продолжал время от времени возвращаться к ней, разрабатывая и совершенствуя ее форму, резко противостоящую, в его сознании, стихотворной.

Современное состояние русской прозы глубоко не удовлетворяло Пушкина. В особенности отрицательно относился он к так называемой «поэтической прозе», разрабатывавшейся преимущественно писателями карамзинской школы. Пушкин считал необходимым противопоставить ей прозу, которая, отказавшись от злоупотребления поэтическими приемами, главным образом чрезмерной метафоризации и перифрастичности, основывалась бы на свойственных именно ей художественных принципах. Этого можно было достигнуть прежде всего путем собственной работы над прозой, и этим обусловлено появление уже в период южной ссылки двух так называемых «молдавских повестей» Пушкина, работа над которыми, совпав по времени с написанием статьи «О прозе» (1822), завершает начальный этап формирования пушкинской прозы.

О прозе Пушкина южного периода мы знаем очень мало, и утрата «молдавских повестей», сохранявшихся вплоть до 60-х годов прошлого века, является чрезвычайно досадной. Окружение, в котором они возникли, не дает возможности сколько-нибудь основательно судить о прозе Пушкина этого времени: это лишь отрывочные записи дневникового характера, преимущественно относящиеся к 1821 году и, как правило, очень лаконичные, а также статья, известная под названием «Заметки по русской истории XVIII века». Б. В. Томашевский и И. Л. Фейнберг видят в ней случайно сохранившееся введе-

ние к утраченным запискам Пушкина³⁷. По собственному признанию Пушкина (см. «Начало автобиографии»; XII, 310), он начал их в 1821 г. и уничтожил в конце 1825 г. «Записки» Пушкина, бесспорно, занимали одно из центральных мест в его прозе начала 20-х годов и сыграли, по-видимому, немаловажную роль в ее совершенствовании. «Заметки по русской истории XVIII века» по своему характеру, видимо, занимали особое место в них, хотя, задуманные, по предположению Б. В. Томашевского, как «история того времени»³⁸, записки Пушкина представляли собой скорее всего публицистическое произведение.

Ряд писем Пушкина южного периода, и особенно 1820—1821 годов, также представляет существенный интерес как своеобразная лаборатория его прозы. Прежде всего это относится к письму брату 24 сентября 1820 года, в котором описывается поездка с Раевскими на Кавказ и в Крым. Письмо это, ориентированное на традицию «писем-путешествий», выделяется тщательностью литературной отделки и было, конечно, рассчитано не на одного адресата. «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бештау, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной. Кавказский край, знойная граница Азии — любопытен во всех отношениях» (XIII, 17—18).

Точность пейзажных описаний, лишенных цветистости, но не утрачивающих красочности, свойственной воссоздаваемой картине, свидетельствует о том «чувстве соразмерности и sobразности», которое вырабатывалось у Пушкина уже на раннем этапе его прозы. Подобный стиль, несомненно, противостоял прозе карамзинистов, культивировавшей жанр «путешествий» и решавшей его в направлении, прямо противоположном пушкинским принципам. В этом отношении разработка эпистолярной прозы имела для Пушкина самое существенное значение, не только дополняя, но в значительной мере и заменяя работу над прозой художественной. В собственно

³⁷ См.: Б. Томашевский Пушкин. Кн. первая, стр. 568; И. Л. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина, стр. 263.

³⁸ Б. Томашевский. Пушкин. Кн. первая, стр. 569.

художественной же прозе Пушкина центральное место в это время должны были занять его не дошедшие до нас «молдавские повести» (1821—1823)³⁹.

Сведения, которыми мы располагаем об этих произведениях, не позволяють с достоверностью судить о степени творческой работы Пушкина над ними. Известно, что в их основу легли предания, записанные, по свидетельству И. П. Липранди, в несколько приемов из уст гетеристов, посещавших его дом⁴⁰. Эти предания и были затем обработаны в повести, носившие, по словам Липранди, названия «Дука, молдавское предание XVII века» и «Дафна и Дабижа, молдавское предание 1663 года». Копии их, сохраненные Липранди, находились затем в руках П. И. Бартенева, не опубликовавшего их, как полагают М. А. и Т. Г. Цявловские, из цензурных соображений⁴¹. Впоследствии они оказались утраченными, и вероятность их обнаружения, к сожалению, очень невелика. Трудно сказать, были ли «молдавские повести» Пушкина лишь обработанными записями устных рассказов или же самостоятельными произведениями, написанными на их основе⁴², однако в любом случае работе над ними Пушкин придавал большое значение, хотя и говорил, что «ему самому как-то не нравится» то, что он написал⁴³. Мы не знаем причин этой неудовлетворенности Пушкина, но совершенно очевидно, что именно из-за своего недовольства написанным он охладел к своим повестям и, по-видимому, сам не позаботился об их сохранении. Однако, приступая к работе над «молдавскими повестями», Пушкин связывал ее с заботами о придании русской

³⁹ К этому же времени относится также и замысел «Влюбленного беса» Вопрос о нем, неоднократно рассматривавшийся в литературе, имеет самостоятельный характер и нет возможности поэтому останавливаться на нем в этой статье.

⁴⁰ См.: И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний. — В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. Гослитиздат, 1950, стр. 269—270 Г. Ф. Богач, не соглашаясь с версией Липранди, полагает, что источниками повестей явились записи рассказов не гетеристов-греков, но лиц из молдавского окружения Пушкина. См.: Г. Ф. Богач. Пушкин и молдавский фольклор, стр. 163, 166.

⁴¹ См.: М. и Т. Цявловские. Дневник Долгорукова. — В кн.: «Звенья», т. IX. Госкультпросветиздат, М., 1951, стр. 5—20.

⁴² Липранди говорит, что Пушкин «составил» их «из молдавских преданий по рассказам трех <...> гетеристов». — Пушкин в воспоминаниях современников, стр. 269.

⁴³ Там же, стр. 270.

прозе того направления, которое он считал для нее необходимым. «С прозой беда! — говорил Пушкин Липранди в связи с «молдавскими повестями». — Хочу попробовать этот первый опыт»⁴⁴.

Свидетельство Липранди, таким образом, подтверждает опытный, экспериментальный, причем в сознании самого Пушкина, характер его «молдавских повестей». Их историческая основа и сюжеты, восстановленные, как уже говорилось, усилиями исследователей, говорят о том, что эти повести вполне соответствовали романтическому направлению творчества Пушкина начала 20-х годов и в этом едва ли резко контрастировали его поэзии. Более того, их сюжеты вовсе не требовали именно прозаической формы, даже наоборот, скорее могли быть реализованы в стихотворных произведениях. Мрачную фигуру Дуки, молдавского господаря XVII века, тирана и кровопийцы, легче представить себе в качестве героя романтической поэмы; то же можно сказать и о ситуации, лежащей в основе сюжета «Дафны и Дабижи» (любовь честолюбца-арнаута Дуки к Дафне, прекрасной дочери господаря Дабижи, толкнувшая его на преступление, которое открыло ему путь к престолу). К тираноборческой теме Пушкин обращался в замыслах поэтических произведений начала 20-х годов («Вадим», 1822; поэма и трагедия); можно думать, что сюжеты из молдавской истории интересовали его с этой же стороны. Но для них Пушкин избрал не свойственную ему в это время прозаическую форму потому, что ее разработка вызывалась требованиями времени, потребностями литературы, очень остро им ощущавшимися.

О том, что Пушкин связывал свою работу над прозой с требованиями русского литературного развития и она носила в значительной мере экспериментальный характер, лучше всего свидетельствует его статья 1822 года «О прозе», к которой так или иначе приходилось уже обращаться: некоторые суждения, высказанные прежде, основаны на выводах, извлеченных из анализа этой статьи.

Статья «О прозе» не только имеет важное значение как наиболее концентрированное изложение взглядов Пушкина на прозу — и с этой точки зрения она неоднократно рассматри-

⁴⁴ Там же

валась в литературе⁴⁵, — она также ретроспективно освещает весь начальный этап формирования пушкинской прозы, помогая понять его особенности и задачи, которые ставил перед собою Пушкин. Размышлениям Пушкина над проблемами прозы, закрепленным в статье, могла способствовать также и работа над «молдавскими повестями». То, что они совпадают во времени с этой статьей, а также слова Пушкина, обращенные к Липранди, подтверждают это предположение. Таким образом, и это важно учитывать, статья Пушкина «О прозе» писалась вовсе не «задолго до того, как он обратился к работе над прозой»⁴⁶, но как раз в разгар этой работы, и положения этой статьи не были поэтому отвлеченным теоретизированием хотя бы и в связи с наблюдениями над современной литературой, но основывались уже и на его собственной творческой практике⁴⁷. Выдвигая свои требования к прозе, Пушкин оперался на собственный опыт, и это придавало его критическим замечаниям большую весомость и убедительность. Так, критикуя, например, «вычурный перифрастический стиль театральных рецензий и противопоставляя ему свои требования, Пушкин мог основывать их на опыте статьи 1820 года «Мои замечания о русском театре», где эти требования были уже воплощены им в жизнь.

«Читаю отчет какого-нибудь любителя театра — сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполл... боже мой, да поставь — эта молодая хорошая актриса — и продолжай — будь уверен, что никто не заметит твоих выражений. никто спасибо не скажет» (XI, 18).

Достаточно сравнить с этой пародией хотя бы характеристику Е. С. Семеновой в статье «Мои замечания о русском театре», чтобы убедиться в соответствии практики самого Пушкина требованиям, которые он выдвигает в статье «О прозе».

«Одаренная талантом, красотой, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника» (XI, 10).

⁴⁵ См. Л. С. Сидяков. А. С. Пушкин и проблема прозы в 20-е и 30-е годы XIX века. — Ученые записки Латвийского государственного университета им. П. Стучки, т. XXIX. Вопросы истории литературы Рига, 1959, стр. 133—135.

⁴⁶ Н. Л. Степанов. Проза Пушкина, стр. 235.

⁴⁷ Ср. А. Лежнев. Проза Пушкина, стр. 18.

, Кроме того, и сама статья Пушкина, по словам Ю. Н. Тынянова, не только включает полемику «против языка тогдашней прозы, но здесь предлагается взамен другой язык, которым написана заметка, язык разговорный»⁴⁸.

Статья «О прозе» — это менее всего программа на будущее, как ее часто представляют, — хотя она, несомненно, имела и такое значение, — но прежде всего подведение итогов уже пройденного Пушкиным-прозаиком пути, и с этой точки зрения она непременно должна быть также осмыслена. Отвергая сложившуюся практику писателей-карамзинистов и приемы романтической прозы, статья эта выдвигает принципиально новый взгляд на прозу и, подводя итоги предшествовавшей работы, открывает перспективы будущего развития прозы Пушкина.

Итак, художественные искания Пушкина второй половины 10-х — начала 20-х годов подготовили его интенсивное обращение к прозе в будущем, когда утверждение на пути реализма неизбежно приводит его, и чем дальше, тем больше, к разработке прозаических жанров. Опыт работы над ранней прозой, несомненно, помог Пушкину в создании прозаических произведений конца 20-х и 30-х годов XIX века.

⁴⁸ Ю. Н. Тынянов, Проза Пушкина. — «Литературный современник», 1937. № 4, стр. 187—199.

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П. СТУЧКИ

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТОМ 106

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

Рига 1968